

**RUGRAM**



РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ

*Забывтый август*



ПАЛЬМИРА  
RUGRAM

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос-Рус)6  
И15

**Ибрагимбеков Р.**

И15 Забытый август : [повести и рассказы] / Рустам Ибрагимбеков. — СПб. ; М. : «RUGRAM\_Пальмира», 2022. — 193 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

В произведениях Рустама Ибрагимбекова поднимаются важнейшие вопросы становления личности и характера человека. Автор показывает, как взросление героев требует от них решимости и ответственности за свои поступки. Повествование часто разворачивается в двух временных измерениях — прошлом и настоящем. Это позволяет автору заострить проблему благородства и чести, последствий выбора, показать силу жизненной правды и мужества.

Рустам Ибрагимбеков — известный сценарист, автор множества пьес, повестей и рассказов, лауреат многочисленных премий в области литературы и киноискусства.

**УДК 821.161.1**  
**ББК 84(2Рос-Рус)6**

ISBN 978-5-517-04657-4

© Ибрагимбеков Р., 2022

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

# ПОВЕСТИ



# Деловая поездка

## I

В небольшом селении недалеко от Маразов, в районе, как известно, небогатом и еще несколько лет назад живущем лишь торговлей мацони на Шемахинской дороге, семья местного учителя, скончавшегося в прошлом году, собирала в Баку сына — высокого, ладного парня с вполне современным решительным выражением лица и уверенными движениями. Он укладывал в большой, обитый на углах железом чемодан свои нехитрые, завязанные в узлы пожитки, которые подавали ему две младшие сестры-двойняшки и мать.

Пятый член семьи, дед, сидел на деревянном табурете у двери.

— Сын у него большой человек, — говорил дед, — где работает — не знаю. Фамилия у него тоже Байрамов. По-моему, ученый человек. Спросишь у людей, его, наверное, все там знают. Он, как сын, сделает все, чтобы выручить своего отца... С Гамидом обязательно встретиться. Он на большой площади стоит, недалеко от моря. Мать его так и сказала: стоит посреди площади, недалеко от «Азнефти». Движение машин регулирует... Он государственный человек, во многом тебе может помочь: и найти Байрамова, и заставить деньги отдать. Милиционер есть милиционер, хоть небольшой человек, но в государственной форме. Может пользу принести тебе. И дружили вы с ним... Не надейся только на свои силы. Без помощи трудно будет тебе. Понял меня, Энвер?

— Понял. — Энвер посмотрел на мать и сестер, которые неслышно возились с узелками, что-то складывали, заши-

вали, перевязывали. — И Гамида найду, и этого подлеца. Душу из него выну, но через три-четыре дня вернусь с деньгами.

— Покойный твой отец так и не смог их получить, — тихо сказала мать.

— Отец не знал, как надо говорить с такими людьми. — В голосе сына сквозь почтение к отцу и его памяти проскользнули снисходительные интонации. — Отец был мягкий человек. Он просил, а надо было требовать.

— Не все так просто в городе, сынок, — сказал дед, — там не очень-то потребуешь. Доказательств нет, расписки нет, как потребуешь? Отец твой поверил ему на слово. А закон слов не признает.

— Закон силу признает. — Энвер с силой захлопнул чемодан. Мать и сестры-двойняшки дружно заплакали. Сестры потому, что заплакала мать, а ту пугали дело, из-за которого сын ехал в город, и его злость.

— Тише, — прикрикнул на женщин дед. — За силу в тюрьму сажают, внушек. Отец твой мягкий человек был, но, может быть, по-другому и нельзя было. Этот Байрамов оказался очень подлым человеком.

— Ничего, это будет последняя его подлость, если он не вернет наши деньги.

— Не последняя, — возразил дед, — десять лет прошло, за это время он, наверное, еще многих обманул... Но все же хорошо было бы, если б ты его припугнул.

Притихшие было мать и сестры опять заплакали.

— Получишь деньги, — уже не обращая на них внимания, сказал дед, — будь осторожен, в городе полно жуликов. Так и ждут момента, чтобы обвести человека вокруг пальца. Особенно женщин остерегайся. — И, понизив для приличия голос, он добавил: — Они все знаешь какие... И как кончишь дело — назад. Добра там не жди. Вот отец твой любил город — сам видишь, что из этого получилось.

— Конечно, — сказал Энвер и взял в руки чемодан, — мне там делать нечего, деньги вышибу из него — и домой. Лишь бы найти его.

Мать и сестры заплакали еще громче...

Дед пошел провожать Энвера до шоссе. Они предполагали найти машину, едущую прямо до Баку. В крайнем же случае надо было доехать до Маразов, а там пересестись в один из автобусов, едущих на Баку из Шемахи.

Как всякий житель Маразинского района, Энвер в детстве не раз бывал в Баку. Его возил туда отец, очень любивший ездить в город; частенько на день-другой брала его с собой мать, которая то возила туда на продажу мацони, то нанималась стегать одеяла и взбивать шерсть для матрасов. Последние пять-шесть лет Энвер в Баку не ездил. Своих дел у него там не было, а сопровождать родителей он не мог, потому что начал работать.

Отец очень любил город. Он часто говорил о нем, с тоской вспоминал четыре довоенных года, когда учился на рабфаке, а потом несколько месяцев в педагогическом институте.

Дед к городу относился настороженно: он тоже пожил там несколько лет. Причем не в одном Баку, а во многих городах, в том числе в русских и европейских, во время войны. У него даже сохранились три фотокарточки — он в Киевском военном госпитале и где-то в Польше, из которых можно было понять, что дед в молодости был лихим человеком.

Дед любил поговорить. И сейчас, когда они шли к шоссе кривыми улочками селения, стараясь держаться узких полосок тени от невысоких домов, — Энвер с чемоданом шагал позади деда, — дед торопливо, чтобы успеть выговориться, давал внуку последние наставления.

— Позавчера сын хромого Авеза арбузы повез туда, — говорил он, — две машины. Найдешь его там. Он будет на маленьком базаре на 2-й Параллельной. Одолжишь у него денег — в случае чего. Твоих тебе не хватит. В городе много денег уходит. Горожане легко их зарабатывают и легко их тратят. Отец твой покойный всегда возражал мне, когда я говорил, что горожан легкие деньги испортили. Дело не в том, много у человека денег или мало — разве у нас мало богатых людей, не меньше, чем там, наверное, главное, как эти деньги заработаны. Они очень легко их зарабатывают. Без пота.

Поэтому быстро тратят. А когда денег нет — начинают жульничать... Сам знаешь, я, слава богу, разные города видел: и наши, и русские, и заграничные — везде одно и то же... Сейчас все хотят в городе жить — кому надо и кому не надо стараются туда уехать. Не понимают, что дурак и там дураком останется, а невезучему нигде не повезет. Отцу твоему я много раз говорил об этом, а он не верил: рвался в город все время. Обманывали его там, голову морочили, а он все равно в город рвался. Ни здесь толком очага не построил, ни туда не попал, так и остался без кола и двора...

— Мне там делать нечего, — сказал Энвер. — Я не из тех, кто туда стремится.

— Конечно, — согласился дед. — Я не потому тебе эти слова говорю. В тебе я уверен. Слава богу, пример отца перед твоими глазами. Я имел в виду тех, которые, забыв обо всем, толпами лезут в город. Знаешь, сколько таких? Тысячи...

— Пусть лезут, — сказал Энвер. — Мне до них дела нет.

У шоссе их ждала мать Гамида, того, кто работал милиционером в городе. Краем черного шелкового платка она прикрывала от солнца небольшую плетеную корзинку.

— Энвер, сынок, — сказала она, — хочу через тебя Гамиду моему кое-что послать. Бедный, домашней еды уже четыре года не видит. Ты, наверно, встретишь его в городе...

— Конечно встретит, — сказал дед.

— Скажи, что ждем его к зиме, как он обещал. То, что он просил, я уже сделала. Пусть не задерживается, едет. Все сделала, как он сказал...

— А что, Гамид домой думает вернуться? — спросил дед.

— Конечно, — сказала мать, — он же на время уехал в город. Хотел через год вернуться, но потом на эту работу устроился и решил еще немного пожить. В письме так и написал мне: «Я временно останусь в городе, не беспокойтесь...»

— Ну и хорошо, — сказал дед, — нечего ему там делать. Обойдутся в городе и без него...

Огорченный предстоящим расставанием, дед не сказал больше ни слова.